Стрелер Дж.

29.XII-90

ВА 29 декабря 1990 г. 9

Сов. культура

ТЕАТР — ЭТО АКТ ЛЮБВИ

Встречи с режиссерами, поэтами, композиторами всегда притягивают и почти всегда обманывают ожидания. От мастера — особенно великого — ждешь не размышлений, а откровений: кто, если не художник, вправе говорить о смысле жизни и тайнах творчества?

Встреча с Джорджо Стрелером в Театре им. Евг. Вахтангова еще раз подтвердила: художник сам по себе, его личность, его кредо — это еще одна загадка, родственная загадке творения, но ключа к ней не дающая. «Великая магия» Эдуардо Де Филиппо в постановке Стрелера и «великая магия» самого Стрелера в диалоге с залом были двумя, быть может, равновеликими произведениями театрального искусства.

Стрелер говорил о тайне театра — эфемерного, исчезающего из времени, но странным образом сохраняющегося в человеческой душе. О людях, которые тонко и глубоко понимали законы его театра, так и не увидев в жизни ни одного спектакля. О себе самом: о том, как невиданное и несбыточное вторгается в его собственные театральные чувствования, как в сознании исподволь укореняется образ первых чеховских спектаклей Художественного театра. Спектаклей, которые режиссер, родившийся в 1921 году, видеть, естественно, не мог, но способен как бы «увидеть» заново. Не особенно веря в переселение душ, приходится признать способность к метампсихозу за Духом театра: должно быть, он действительно помнит свои предыдущие воплощения...

Стрелер говорил о том, как ему самому открывалась его тема, его дорога в искусстве — о странных взаимодействиях правды и иллюзии, о выборе между ними, который рано или поздно предстоит каждому человеку. «Буря» Шекспира — «Иллюзия» Корнеля — «Великая магия» Де Филиппо для режиссера стали тремя из возможных решений этой проблемы. Быть может, самое главное в этих спектаклях и вообще в театре для Стрелера — то, как истинные отношения меж людьми открываются через не-истинные, иллюзорные действия, как суть вещей постигается не в реальном, а в кажущемся, и сама грань между «быть» и «казаться», «жить» и «играть» делается тоньше лезвия...

У кого другого подобные вещи могли бы прозвучать вычурно и кокетливо. Парадокс Стрелера, по моему скромному мнению, в том, что в его творчестве — случай почти уникальный в XX веке! — темы игры и иллюзорности бытия потрясающе очеловечены. Иллюзия — не бегство от естества, а способ его разгадывания. Она не отменяет душевной теплоты, сочувствия и доверия миру. Она не перечеркивает красоты простого жеста и цельного переживания.

Сказать проще, Джорджо Стрелер любит людей, и вся изощренность его театрального мастерства подчинена этому бесхитростному и благородному чувству. Он любит актеров, выходящих на сцену, и признает их суверенность на театре (почувствовав, что маэстро не скромничает, а действительно верит в первородство актера, зал разразился благодарными аплодисментами). Он любит зрителей, и простое название книги Стрелера «Театр для людей» — название безукоризненно точное и глубокое. Наверное, Джорджо Стрелер любит себя, и это правильно.

«Театр — это акт любви. Он может быть и критическим актом любви, но если актер не любит человека, он не полюбит самого себя как человека. И он может очень хорошо играть, но его никогда не будут любить».

Сказано просто. Добавить нечего.

А. С.

339